

Друг другу ближний руку жал,
 Друг друга нежно целовал
 И дети матери-земли
 Лелеяли любовь в груди...
 Я видел сон, блаженный сон!
 Вдали лежал разбитый трон
 И символ власти — скиптр золотой
 Покрыт был пылью и золой...
 Я видел сон, блаженный сон!
 Топор и кнут был раздроблен,
 С короной мальчики играли, —
 Каменья, грязь в нее кидали...
 Вдали костер огромный тлел —
 Оружья склад на нем сгорел,
 Что против ближнего и брата
 Точилось ради зла и злата!..
 Я видел сон, блаженный сон!
 Был храм навеки затворен
 И рабский, подлый фимиам
 Не возносился к небесам.
 Всем было ясно, что исчез
 Рассудком чистым бог с небес..
 И люд свободный обновлен —
 Им храм навеки затворен!..
 Я видел сон, блаженный сон!
 И люб и странен был мне он:
 В ее объятьях я лежал
 И грудь и глазки целовал,
 И ясно в тех глазах видал
 Любви ко мне живой родник,
 В блаженный, лучший жизни миг!

III. НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И. И. ГОЛЬЦ-МИЛЛЕРА

Публикация И. Ямпольского

И. И. Гольц-Миллер начал печататься в 1863 г., и за восемь лет — он умер в 1871 г. — в разных журналах того времени появилось лишь десятка три его стихотворений. Кошмарная жизнь, которую отец поэта охарактеризовал отнюдь не являющимися преувеличением словами: «Он был убит преследованиями властей»¹, — и цензурный гнет не могли способствовать ни развитию его поэтического дарования, ни опубликованию написанного.

Незадолго до смерти Гольц-Миллер решил издать сборник своих стихотворений. Он уже готовял его к печати, переписал набело часть стихотворений, набросал предисловие и вел по этому поводу переговоры с Н. А. Некрасовым. По свидетельству школьного товарища Гольц-Миллера, А. Е. Добровольского, среди оставшихся после поэта бумаг было связанное с изданием сборника письмо к нему Некрасова.

После смерти Гольц-Миллера Некрасов не оставил своего намерения. В 1876 г. отец поэта писал редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу: «Возникшее еще в 1872 году, по инициативе Н. А. Некрасова, предположение об издании в отдельной книжке всех напечатанных в лучших журналах стихотворений несчастного

моего поэта не осуществилось, по причинам от меня независимым, о чем г. Некрасов и дал мне знать тогда же»².

Некрасов, как узнаем из того же письма, просмотрел и биографию Гольц-Миллера, которой должен был открываться сборник. Издание не было осуществлено, по всей вероятности, по причинам цензурного характера³. Кроме Некрасова, отец Гольц-Миллера вел также переговоры с издателем и книгопродавцем А. А. Черкесовым; дважды—в 1871 и в 1876 гг.—обращался он к Стасюлевичу, но и из этого ничего не вышло.

Только сравнительно недавно, в 1930 г., издательство Общества политкаторжан выпустило небольшой сборник «Поэт-революционер И. И. Гольц-Миллер». В него вошли стихотворения, напечатанные самим поэтом, и три вещи, опубликованные в его некрологе в «Вестнике Европы» (1871, № 11) и в издании «Стасюлевич и его современники», том V, среди материалов, касающихся Гольц-Миллера. Отметим кстати, что одно стихотворение, появившееся при жизни поэта, ускользнуло из поля зрения составителей. Это — «С верой за дело», напечатанное в венском журнале «Славянская Заря», 1867, № 4.

В одном из писем к Стасюлевичу отец Гольц-Миллера сообщал, что после его сына осталось около 70 стихотворений. В сборнике напечатано 35, т. е. ровно половина. «Другую половину,— читаем в примечаниях к нему,— повидимому приходится считать безвозвратно погибшей, так как архив покойного поэта до нас не дошел»⁴. Рукописи Гольц-Миллера действительно пока неизвестны, но нам удалось обнаружить тот, составленный и переписанный отцом поэта, сборник, о котором он писал Стасюлевичу в 1876 г., предлагая издать его⁵. Сборник находится в рукописном отделении Института Русской Литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР, в архиве журнала «Русское Богатство». Это — толстая тетрадь со следующей титульной страницей: «Стихотворения Ив. Гольц-Миллера. Издание А. Е. Добровольского. С.-Петербург. 1872 г.». Тут же эпиграф из Некрасова, выбранный самим Гольц-Миллером⁶, когда он занимался подготовкой к печати своих стихотворений:

«Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пою...»

Стихотворениям предшествуют биография, составленная А. Е. Добровольским при содействии отца Гольц-Миллера, и предисловие самого поэта. В сборнике собраны стихотворения, напечатанные при жизни и после смерти поэта, а также несколько вещей, которые были известны нам только по названию (переводы «Отчаяния» и «Пролога к Ямба» Барбье, «Очерки древне-римского быта», «Mater dolorosa» и др.). Сборник этот более чем вдвое увеличивает литературное наследие Гольц-Миллера: в нем 84 стихотворения. Он составлен на основании оставшихся рукописей, о которых его отец сообщал следующее: «Все стихотворения сына моего в рукописях переписаны четко его рукой в тетрадках, а некоторые на отдельных листах. Есть дубликаты с более или менее значительными вариантами»⁷.

Использование рукописей при составлении сборника отразилось, между прочим, в кратких примечаниях, которые следуют за стихотворениями. Здесь, кроме указаний на журналы, где были напечатаны отдельные вещи, отмечено также в ряде случаев наличие рукописных вариантов. Материал расположен в хронологическом порядке; лишь несколько недатированных стихотворений помещено в самом конце. Это дает возможность сделать некоторые наблюдения, касающиеся эволюции взглядов и настроений Гольц-Миллера, у которого в последние годы его жизни, наряду с мотивами разочарования, несомненно была и тенденция к примирению с окружающей действительностью. Сравнение уже известных стихотворений с текстом сборника обнаруживает ряд любопытных разночтений.

Считаем нужным также отметить, что всякое сомнение относительно авторства стихотворения «Дай руку мне, любовь моя», которое еще недавно было высказано В. Е. Евгеньевым-Максимовым⁸, устраняется благодаря наличию его в сборнике (под названием «Ритурнель»).

Из 45 неизданных оригинальных стихотворений и переводов Гольц-Миллера мы считаем 14 наиболее интересных. Все они, кроме последнего, относятся к 1862–1864 гг. и написаны частично в Москве, во время процесса Зайчневского, Аргиропуло, Гольц-Миллера и др., частично в ссылке в уездном городе Симбирской губернии Карсуне.

«Дума» и «Обманчивый призрак» должны были появиться в «Современнике» в 1864 г. В архиве А. Н. Пыпина в ИРЛИ сохранился корректурный лист, на котором, кроме них, помещены три стихотворения Гольц-Миллера, напечатанные во II и III кн. «Современника» за 1864 г., и еще одно («Он любил—за любовь лицемеры»...), до сих пор неопубликованное.

В стихотворении «Памяти предателя» речь идет, повидимому, о Всеv. Костомарове. Правда, он умер в декабре 1865 г., а стихотворение отнесено в сборнике к 1867 г., но, живя в провинции, Гольц-Миллер мог узнать о его смерти с большим опозданием.

Последние 12 строк стихотворения «Скорбь и желчь вырывают те звуки» — в воспоминаниях Р. В. Авдиева, «Иv. Иv. Гольц-Миллер в Одессе», опубликованных в V томе издания «Стасюлевич и его современники», стр. 184. Строки эти были вписаны в записную книжку Авдиева одним из друзей Гольц-Миллера, а Авдиев не подозревал, что они принадлежат самому Гольц-Миллеру.

В заключение, пользуюсь случаем, чтобы сообщить список известных мне статей Гольц-Миллера, напечатанных в годы его жизни в Одессе в газете «Одесский Вестник». Они могут быть полезны биографу Гольц-Миллера и исследователю его литературной и революционной деятельности.

«Театральные заметки» — 1865, № 199 от 11 сентября.

«Театральные заметки. II. Драма г. Дьяченко на Одесской сцене» — 1865, № 206 от 21 сентября.

«Театральные заметки. III. Нечто обо всем (По поводу комедии «Было да отжило»)» — 1865, № 219 от 7 октября.

«Театральные заметки. IV» — 1865, № 233 и 235 от 26 и 28 октября.

«Театральные заметки. V. Я прозрел! (Посвящается театральной публике)» — 1865, № 267 от 4 декабря.

«Дети и уход за ними (Посвящается нянюшкам)» — 1865, № 284 от 25 декабря.

«Черный трагик и белая публика» — 1866, № 26 от 3 февраля.

«Театральные заметки» — 1866, № 203 от 17 сентября.

Все перечисленные статьи подписаны «Иv. Гольц-Миллер», за исключением последней, под которой стоит только буква «М». Но она несомненно принадлежит ему, что подтверждается в частности ее началом: «Года три назад довелось мне жить в глухом уездном городишке одной из приволжских губерний».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке». Под редакцией М. К. Лемке, т. V, СПб. 1913, стр. 164.

² Там же, стр. 175.

³ Об отношении властей предержавших к Гольц-Миллеру уже после его смерти свидетельствует такой факт. В середине 1871 г. «Иллюстрированная Газета» представила в цензуру его некролог. С.-Петербургский цензурный комитет запретил его, как некролог человека, «которого действия правительством были преследуемы». Запрещение было обжаловано, и Главное Управление по делам печати разрешило некролог, но за «отдельными исключениями» (Журнал засе-

даний С.-Петербургского цензурного комитета за 1871 г.). Что именно было исключено — в точности неизвестно, но в «Иллюстрированной Газете» уже в декабре 1871 г. (№ 49) появилось пятнадцать совершенно безобидных в цензурном отношении строк.

⁴ «Поэт-революционер И. И. Гольц-Миллер», М. 1930, стр. 65.

⁵ «М. М. Стасюлевич и его современники», т. V, стр. 175.

⁶ Там же, стр. 176.

⁷ Там же, стр. 169.

⁸ Сборник «Революционно-демократическая поэзия 60-х годов», Л. 1934, стр. 184.

1. ДРУГУ

Не кручинься, друг любезный,
 Грусть стяхни с души долой,
 Ведь тоскою бесполезной
 Не изменишь жизни строй!..
 Верь, что боремся не тщетно
 Мы с насильем и со злом,
 Верь — уж близок день заветный,
 День победы над врагом...
 Пусть же сердце негодует,
 Пусть в нем ненависть кипит, —
 А добро восторжествует,
 Правда в мире прозвучит!
 Ну-же, друг мой, веселее!
 И с надеждой молодой,
 Грусть стяхнув с души, смелее
 Вступим вместе снова в бой!

Москва, 1862 г.

2. ЧЕМ НЕ ГРАЖДАНИН?

Нету в нем безумной гордости —
 Навожденья сатаны,
 Нету духа непокорности
 Ко преданьям старины;
 Сумасбродными затеями
 Он мальчишек не пленен,
 Вольнодумными идеями
 Тихий нрав не развращен...
 В каждый праздник, в воскресенье,
 Ходит к службе в божий храм,
 Развито в нем уважение
 К предержавшим всем властям;
 Поведения он трезвого,
 В рот хмельного не берет,
 Нрава хоть не очень резвого,
 Но горячий патриот;
 Искру божью послушания
 В нем родитель заронил —
 С детства спину к изгибанию
 Пред начальством приучил;

Подчиненный он примернейший,
 Образцовый семьянин,
 Патриот не лицемернейший —
 Чем еще не гражданин?..

Москва, 1862 г.

3. В ГРОЗУ

Небо насупилось тучами черными,
 Молнии ярко режут глаза,
 Блещут, сверкая лучами узорными —
 Жутко смотреть — так взыгралась гроза!

Но отчего же грозой не люблюсь я,
 Что же так больно заняло во мне!
 Бурю слышав, бывало, волнуясь я,
 Кровь закипает, горю как в огне!..

Помню — бывало я, гром лишь послышится,
 Дрожу весь, дышит как-то вольней, —
 Что же теперь грудь так слабо колышется
 И на душе все грустней и грустней?..

Долго ли ждать нам ту бурю желанную,
 Долго ли ждать наш желанный исход?
 Долго ли жизнь коротать бесталанную
 В грязи безвыходной мелких невзгод?

О, поскорей бы нам в битву упорную,
 В бой за права человека вступить,
 О, поскорей бы порвать нам позорную
 Связь с нашим прошлым — и внове зажечь!

О, приходи же ты, грозная, дикая —
 Сердце изныло тоской по тебе,
 О, приходи ты святая, великая,
 Не дай заглохнуть нам в мелкой борьбе!

А мы, исполнены чудною силою,
 Истины вечной согреты огнем,
 Ринемся в бой с этой жизнью постылою,
 Весело к смерти в объятья пойдем!

Только приди ты скорей, заповедная!
 Ждем мы тебя, как невесту жених —
 Не допусти ж, чтоб в сердца наши бедные
 Дух ядовитый сомненья проник...

Москва, 1862 г.

4. ДУМА

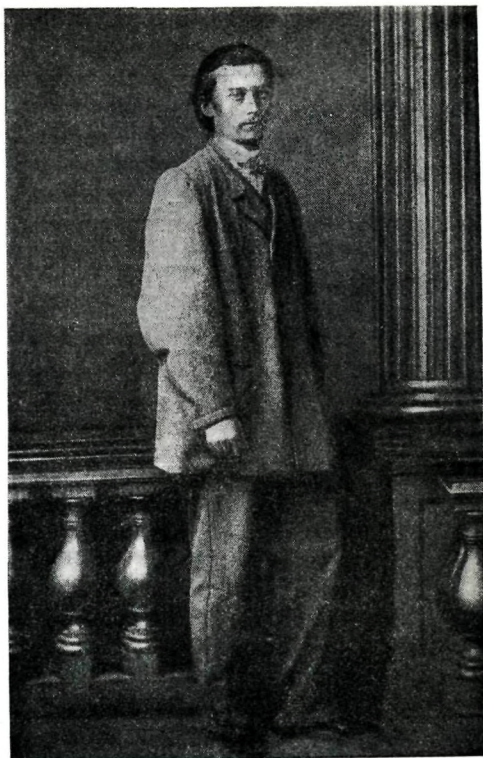
Быстро время мчится, даром гибнут силы,
 Там, вдали, уж веет холодом могилы...

Страшно, как заглянешь в эту даль неволью:
 И кругом так пусто, и в груди так больно!

И. И. ГОЛЬЦ-МИЛЛЕР

Фотография

Институт Литературы, Ленинград

А надежда в сердце все-таки таится,
 Что не весь же век свой нам впотьмах томиться!

Правда, мы сроднились с болью и страданием,
 Не легко нам верить светлым упованиям!

Да зачем с других нам брать себе примеры:
 Иногда безверье лучше самой веры...

С помощью чужою не уйдем далеко,
 Наша сила скрыта в нас самих глубоко —

Да, хоть и бесследно юность пролетела,
 Но осталось много силы в нас для дела...

Только волю чувству, волю мысли надо —
 И от сна воспрянет сонная громада;

Только воздух чистый нам прольется в груди —
 Закипит работа и найдутся люди!

Закаленный долгим, тяжким испытанием,
 Встанет дух наш, грозен сил своих сознанием,

А пред этой силой дрогнет тень былого...
 Обновленной жизнью жить начнем мы снова,

Москва, 1862 г.

5. МЕРТВАЯ ТИШЬ

Сон царит над землей...
 В тишине гробовой
 Жизни звук уловить не пытайся!
 Ночь глухая кругом...
 Страшно в мраке ночном —
 Есть ли жив-человек? откликайся!

Нет ответа на зов,
 Только стоны без слов
 Буйным ветром отсюда приносятся...
 Сердце ноет с тоски —
 Ах, ему ведь близки
 Эти стоны, что в душу так просятся!

И опять над землей,
 В тишине гробовой,
 Ночь одна без конца лишь чернеется...
 О, когда же сквозь туч
 Солнца утренний луч
 Над печальной землей заалееется?!

Москва, 1862 г.

6. ОБМАНЧИВЫЙ ПРИЗРАК

«Веселитесь, друзья, час желанный настал:
 Ночь бледнеет пред силой рассвета» —
 Чей-то голос в толпе жадной света вскричал...
 — Полно, братья, не призрак-ли это?
 Мы так свыклись уже с жизнью в мраке густом,
 Мы так долго скитались без света,
 Что приходим в восторг перед каждым лучом, —
 Но взгляните — не призрак-ли это?
 Свет блеснул и угас, и темней стала ночь,
 Доживем-ли еще до рассвета?
 Так долой же обман, ожидание прочь!
 Мы ведь знаем, что призрак все это!..

Москва, 1862 г.

7. КОСМОПОЛИТ

Мой дух не прикреплен оковами преданья,
 Как раб, к земле — он вольный селянин...
 Отечество мое — везде, где есть страданье,
 Я человек — вселенной гражданин!..

Где разум и любовь в борьбе с гнетущей силой,
 Там я любви и разума боец...
 И хоть тяжел мой путь, но этот путь унылый
 Дороже мне, чем лавровый венец!..

Карсун, 1863 г.

8. КОГДА-ЖЕ?

И день иде, и ничь иде...
И голову схопивши в руки,
Дивуеся — чому не иде
Апостол правды и науки?!

Т. Шевченко

Когда ж, когда настанет век
Свободы, разума, любви,
И перестанет человек
Бродить, как дикий зверь, в крови?

Когда ж падет господство тьмы,
И царство ада на земле,
И божий свет увидим мы,
И отразится на челе

Людей — разумной жизни след
И будет правда нам закон?
Когда ж?.. когда? ужели нет
Конца для варварских времен?!

Карсун, 1863 г.

9. СИРОТА БОЛЬШОГО СВЕТА

Не мать своей грудью ребенка вскормила,
И в люльке качала не мать,
Не мать, глядя ласково в детские очи,
Учила его лепетать...

Как жалкий щенок, на прогнившей соломе
В конуре вонючей он взрос,
И первый кусок его смочен был влагой
Отцовского пота и слез.

И первое слово он выучил: хлеба!
Не знал, что такое любовь,
А в сердце его уж не раз закипала
Ребяческим бешенством кровь...

Не видел он ласки, не видел привета,
И дружбы священной не знал,
Не слышал, что в мире все сестры и братья —
Никто ему «брат!» не сказал.

Он всем был чужой и ему все чужие,
Он жил лишь сегодняшним днем;
Он умер, как жил, среди улицы шумной —
И все позабыли об нем.

Пред смертью (кто знает, быть может, впервые)
Припомнил он детство свое,
Он мать свою вспомнил — и, грешный безумец,
В отчаяньи проклял ее!..

Карсун, 1864 г.

10. ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Гуди, мятель! в том грустном завываньи
 Я нахожу отраду: предо мной,
 Под жалобу твою, в воспоминаньи
 Былые дни проходят чередой,
 Мелькают образы былые — и в молчаньи
 Я на руки склоняюсь головой...

Прошла пора душевного ненастья —
 И как хотелось бы ее мне воротить!
 О, лучше жить под бременем несчастья
 Иль в бурном вихре голову сломить,
 Чем в черствой старческой коре бесстрастья
 До гроба, заживо себя похоронить!..

1864 г.

11

Родина-мать! твой широкий простор
 Скорбные думы наводит...
 В нашей земле по ночам, точно вор,
 Мысль озираяся бродит...
 Мысль озираяся бродит как вор,
 Словно убийца тех губит,
 В ком, равнодушным и подлым в укор,
 Сердце тоскует и любит.

Апрель, 1864 г.

12

Путь мой лежит средь безбрежных равнин,
 Все здесь цветет, зеленеет,
 Только от этих роскошных картин
 Скорбью тяжелой мне веет.
 Сердце привычно сжимает печаль.
 Очи туманит слезою...
 Чудится мне: по полям этим, вдаль,
 Узники идут толпою.
 Муки застыли на лицах у них,
 Руки им цепи сковали;
 И равнодушно рыданиям их
 Эти равнины внимали.
 Нет здесь отрады, в этих степях,
 Мрак все, страданье и слезы!
 Здесь без следа разбиваются в прах
 Юности светлые презы.
 Здесь одиноко, бесплодно, любовь
 Гибнет в борьбе безотрадной...
 Кровь свою чистую, лучшую кровь
 Пьешь ты, о родина, жадно.
 Кончить пора, о жестокая мать,
 Прочь испытанья эти!
 Скоро, быть может, тебя проклинать
 Станут несчастные дети.

Октябрь, 1864 г.

Скорбь и желчь вырывают те звуки:
 «Догорай, о бессильная сила!
 В бесполезной тревоге и муке
 Мое бедное сердце изныло.

Изнемог я в борьбе безотрадной,
 Скорбь и слезы мне выели очи,
 Мозг мой высох в тоске беспощадной
 В эти долгие страшные ночи.

Изурило меня, истерзало
 Это пламя, что грудь мне палило...
 Догорай, о безумное пламя!
 Пропадай, бесполезная сила!

Одинокий и жалкий страдалец,
 Твоим стонам я жадно внимаю;
 С тихой жалобой, сердце мне рвущей,
 Я проклятия злобно мешаю.

Будь ты проклята, ложная сила!»
 Будьте прокляты, к правде стремленья!
 Вы, избившие мозг мой и руки
 Тяжкой цепи позорные звенья!

Я вас в куче навозной зарюю,
 Я в грязи загашу это пламя,
 Изорву на клочки я и скрою
 Чахлой юности жалкое знамя...

А на нем сколько слов благородных,
 А над ним сколько слез-то пролито,
 Сколько думалось мыслей свободных,
 Сколько жизни безумной прожито...

Есть что в грязь затоптать мне ногами,
 Есть над чем мне до слез насмеяться,
 Есть над чем до скрипенья зубами,
 До рыданий глухих надругаться...

Декабрь, 1864 г.

14. ПАМЯТИ ПРЕДАТЕЛЯ

Ты умер, не купив и тем себе прощенья —

И над твоей могильною плитой
 Немым протестом против примиренья
 Витают тени преданных тобой.

Ты умер, но увы — не умерла с тобою
 И память черная твоих позорных дел,
 И даже там, за всемирящею чертою
 Презренье твой единственный удел...

И не найдет твой прах забвения, покуда
 Рукон невидимой начертано над ним:
 «Под камнем сим покоится Иуда.

Прохожий, помолись о тех, кто предан им!»